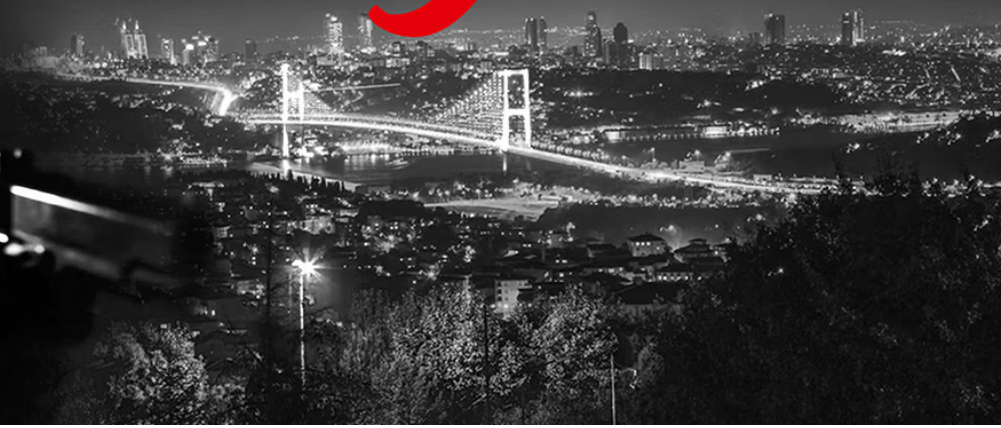

Ольга Карпович

Королева
Сташбула

Под небом Стамбула

Ольга Карпович
Королева Стамбула

«Карпович Ольга»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Карпович О. Ю.

Королева Стамбула / О. Ю. Карпович — «Карпович Ольга»,
2020 — (Под небом Стамбула)

ISBN 978-5-04-113638-3

«А Сергей был твоим отцом. Самым известным в России киллером по кличке Фараон...». Так начинается история самой влиятельной девушки преступного мира – Ольги Котовой. Обосновавшись в Стамбуле, кажется, она держит в страхе оба земных полушария, и никто не может к ней подступиться. Даже у молодого полковника Рогова нет ни одной зацепки. Дочь Фараона никогда не ошибается. Так было, пока Оля не встретила Ника – археолога, серфера, который очаровал ее бирюзой своих глаз, разрушив все планы преступницы. Хладнокровной убийце предстоит решить, кто для нее Ник – случайный свидетель или любовь всей жизни? Книга также выходила под названием «Неуловимая наследница».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113638-3

© Карпович О. Ю., 2020
© Карпович Ольга, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ольга Юрьевна Карпович

Королева Стамбула

Все герои и события вымышлены, совпадения с реальными людьми случайны.

Глава 1

Они были слишком красивыми. Идеальными. И от того как будто не настоящими. Она – высокая, тоненькая, легкая, как перышко, и вся золотая: кожа, волосы, рассыпавшиеся по плечам, даже глаза поблескивали золотистыми искорками. А он – серебряный, пиджак стального цвета, коротким ежиком остриженные волосы, глаза.

Оля ждала их с самого утра. Мама Люда, плюхнув ей в тарелку клейкую овсяную кашу, сказала:

– Бардак в доме не разводи. Сегодня сестра моя с мужем приедут. Ты их не знаешь, они за границей живут.

Оля удивленно округлила глаза: «Ого, за границей!» До этого утра она и не слышала, что у мамы Люды есть сестра.

Не то чтобы ее так уж интересовали гости, просто скука была смертная. Лето, жара... Ну на море сбегает с соседскими девчонками, если мама Люда разрешит. Ну на курортников поглазеешь. Перекинешься парой слов с продавцом арбузов на углу. Вечером в санатории «Зори Крыма» танцы. Если пролезть в дыру в заборе и не попасться на глаза сторожу, можно сидеть в кустах и глядеть, как плывут над круглой площадкой красные, синие и желтые огни и покачиваются в такт музыке пары. Одни даже целовались как-то раз, они с Женькой Гордевой видели. Но на этом все, все развлечения. Зимой хоть школа есть, а летом – только жара и маета. Если уломаешь маму Люду в Евпаторию съездить, так впечатлений на целый месяц. Все ж таки город. А тут – крошечный поселок – полтора дома, а за ними рыжая сухая степь до горизонта. И море, конечно. Море...

И вдруг гости, загадочные, из-за границы. Ну как их не ждать?

Оля смотрела на улочку, видневшуюся за заросшим кустами забором. Развешенное в саду на веревках белье вздувалось парусами, перекрывало обзор. Пахло жарой, перезрелыми персиками с дерева у калитки и нагретой солнцем полыню.

– Окно закрой, мух в дом напускаешь! – прикрикнула, пробегая мимо, мама Люда.

Она вообще сегодня суежилась. То начинала готовить угощение для дорогих гостей, то вдруг выбегала из дома – хлеба купить, на переговорный пункт позвонить.

– Кому позвонить? – только раз спросила Оля.

А мама Люда буркнула:

– Кому надо, чего допытываешься? – А потом, помолчав, добавила: – В справочную аэропорта. Узнаю, вовремя самолет прилетит или задержат.

Волновалась, наверно, что гости задержатся...

Оля окно закрывать не стала, так и висела на подоконнике. А мама Люда больше ее не дергала, грохотала кастрюлями в кухне.

Возле калитки вертелся какой-то узколицый, в кепке. Оля его заметила, потому что улица их вообще-то была пустынная. Окраина поселка, кто тут особенно будет ходить. А этот раза три уже промелькнул, в одну сторону прошел, в другую... Что ему надо было? Оля хотела уже окликнуть мать, обратить ее внимание на странного прохожего. Чего он там шныряет? А вдруг залезть хочет, персики их обгрести? Но тут вдалеке глухо заворчал мотор автомобиля, странный в кепке исчез, будто испарился под яркими солнечными лучами и просочился в трещины на асфальте. Оля вся подалась вперед, едва не шлепнулась кувырком из окна, но все же увидела приближающуюся светло-желтую «Волгу» с черными шашечками на крыше. Такси!

– Такси! – пискнула она.

Но мама Люда, кажется, не услышала. Машина тем временем остановилась, и вот наконец показались они: золотистая женщина и серебряный мужчина. Сунув таксисту купюру, он огляделся по сторонам быстрым настороженным взглядом? А женщина оглядываться не стала,

сразу заторопилась к калитке, как будто сдерживала себя, чтобы не побежать. Заметив, что спутница его опередила, мужчина нагнал ее, первым отворил калитку, шагнул в сад и снова огляделся. Боялся, что ли, что хозяева ради смеха притаились в кустах и сейчас как выскочат с криком, как напугают!

Мама Люда остановилась у Оли за спиной, шурясь, взгляделась в шедших через сад гостей, и произнесла странным голосом:

– Приехали, значит, все же. Что ж...

А Оля, сорвавшись с места, побежала открывать дверь. Открыла – и сразу будто снесло вихрем – прохладным, душистым, нежным. Это золотая женщина обхватила ее руками, затормошила, зацеловала в щеки. От нее приятно пахло каким-то горьковато-сладким цветочным запахом. И волосы у нее были гладкие, скользкие по коже, как шелк.

– Какая ты большая! С ума сойти! – приговаривала женщина, то прижимая Олю к груди, то отстраняя от себя, и смотрела, смотрела на нее, будто не могла наглядеться. – А я тебе куклу привезла. Вот глупая, ты же совсем взрослая.

«Разве она меня видела раньше?» – удивлялась про себя Оля. В памяти как будто ворочалось что-то, но очень смутное. Золотые волосы в солнечном луче, ласковые руки в кольцах...

– Сергей, правда, удивительно, как она выросла? – не выпуская девочку из рук, гостья обернулась к своему спутнику.

Тот наклонился к Оле, заглянул ей в глаза. Такое странное у него было лицо. Вроде ничем не примечательное, обычное. Но все какое-то твердое, закаменелое. А глаза живые – цепкие, страшные. Оле подумалось, что такие глаза, наверное, бывают у волков. И волосы у него были короткие, жесткие и серые, как шерсть.

– Выросла... – коротко повторил он и, на мгновение прижав Олю к себе, поцеловал в висок.

– Ну что же вы, гости дорогие, – засуетилась тем временем мама Люда. – Давайте к столу, поешьте с дороги.

И только когда золотая женщина, разжав объятия, поднялась на ноги, Оля поняла, как ей не хотелось, чтобы она ее отпускала.

Этот день получился счастливым, веселым, солнечным и очень быстрым. Пролетел в одно мгновение. Оля успела узнать, что приехавших родственников зовут Сергей и Александра. Что люди они интересные и загадочные. А Саша еще и веселая – постоянно выдумывает игры, принимается гоняться за ней то по пляжу, то по пахнущему персиками саду. Догонит, схватит на руки и щекочет, целует, бормочет какую-то чепуху. Вручили ей ту самую куклу, из-за которой Саша расстроилась, что привезла подарок не по возрасту. Но кукла Оле понравилась, она здесь таких и не видела – голова фарфоровая, лицо нежное-нежное, вот прямо как у Саши, и глаза такие же золотистые, искрящиеся, и волосы, как шелк. Она про себя решила, что так и назовет куклу – Сашей.

За куклой последовали и другие подарки – джинсы, футболки, куртки, кроссовки, туфли, свитера. Саша настаивала, чтобы Оля все это мерила, вертелась перед ними. А та к одежде была равнодушна и быстро устала переменять наряды.

Потом был пляж и ужин, и теплый вечер в саду, за накрытым клеенкой столом. Когда стемнело, Саша, вдруг посерьезнев, усадила Олю рядом с собой, взяла ее за руку и произнесла:

– Оленька, нам нужно поговорить с тобой. Ты девочка уже большая и поймешь, я уверена.

– Может, в дом пойдете разговоры разговаривать, – вклинилась мама Люда.

Она вообще весь день держалась как-то нервно. То улыбалась натужно, то, явно срываясь, брякала что-нибудь невпопад.

– Она права, – неожиданно поддержал скупой на слова Сергей.

И снова настороженно огляделся по сторонам, будто выискивая что-то в темной южной ночи. Оле вдруг почему-то вспомнился тот странный тип в кепке, что утром крутился возле

их калитки. Она даже хотела рассказать о нем, но взрослые уже подхватили со стола чайные чашки, корзинку с фруктами и пошли в дом.

Мама Люда, хлопнув дверью, ушла в свою комнату, а Оля, Сергей и Саша остались в гостиной. Саша потянула Олю с собой на диван, обняла за плечи. Сергей сначала сел напротив, затем поднялся, начал мерить комнату широкими шагами. Тоже как будто нервничал. Оле стало не по себе, как всегда бывало, когда видно было, что взрослые волнуются – и непонятно из-за чего.

– Девочка моя, – начала Саша.

И все гладила, гладила Олю по руке.

– Понимаешь, много лет назад у нас с твоим... – Она замялась, взглянула на мужа и после паузы продолжила: – У нас с Сергеем возникли большие неприятности, и нам пришлось уехать. Мы смогли вернуться в Россию только сейчас – и ненадолго. И я скажу тебе честно, мы приехали за тобой.

«За мной?» – изумилась Оля. Хотела спросить: «Как это – за мной? Почему? А куда мы поедем? А зачем вы хотите взять меня?», но не успела. Сергей вдруг замер на месте, прислушиваясь. Коротко махнул на них рукой, чтоб замолчали. Оля насторожилась тоже, но ничего не услышала. Может, только скрипнула ветка персикового дерева в саду.

Саша вскочила на ноги – отреагировала так быстро, как будто привыкла жить в постоянной опасности.

– Оленька, подожди в другой комнате пока, – сказала она мягко и вроде бы спокойно.

Но по ее лицу, которое вдруг перестало быть фарфорово-нежным, а стало напряженным, испуганным, Оля поняла, что происходит что-то нехорошее.

– Что случилось?.. Почему?.. – начала она.

Саша оттеснила ее к дверному проему, ведущему в коридор. А дальше все произошло так быстро, что Оля и осмыслить ничего не успела. Сергей шагнул к двери, взялся за ручку. И в тот же момент дверь распахнулась, сбив его с ног. Он опрокинулся навзничь. Оля испугалась еще – ударится головой же, вон ножка стола как близко. А ввалившийся в дверь детина – огромный, кругломордый, с маленькими, смешными на таком блинообразном лице усиками – уже навис над ним, наставив пистолет. До этого Оля оружие видела только в кино, но сейчас почему-то сразу поняла, что пистолет не игрушечный и все это не шутка, не розыгрыш. Что к ним в дом ворвались настоящие бандиты.

За кругломордым вошел следом еще один, высокий, с изъеденным оспинами лицом. Сергей попытался незаметным движением скользнуть ладонью под пиджак, но длинный увидел, навалился сверху, выкрутил ему руку и носком ботинка отпихнул под шкаф вывалившийся из пальцев пистолет.

– Беги! – шепнула Саша и вытолкнула Олю в коридор.

Девочка хотела схватить ее за руку, утянуть за собой. Ведь здесь происходило что-то страшное. А Саша была такая мягкая, такая нежная, ей не место было в этом ужасе. Но сделать ничего уже не успела, потому что навстречу ей по коридору топал третий – тот самый вертлявый, в кепке, которого она видела днем.

«Наверное, влез через окно в маме-Людиной комнате», – поняла Оля.

Колени у нее ослабели, ноги подкосились. Вертлявый все приближался, Оля очень отчетливо видела поблескивающий черным металлом пистолет у него в руках. Она на секунду зажмурилась, думая, что сейчас прогремит выстрел. Подумала мимолетно: интересно, больно это? Но вертлявый лишь зыркнул на нее глазами, выплюнул:

– Брысь, малявка!

И шагнул в комнату.

Оля осела на пол, привалившись к стене. Ноги ее не держали, по спине, неприятно щекоча, ползла капелька пота. Все как будто замедлилось вокруг, голоса стали гулками, движения плавными и тяжелыми, словно дом незаметно для нее затопило водой.

Вертлявый схватил Сашу за волосы, толкнул к дверному проему, возле которого сидела на полу Оля. И хотя те первые двое, усатый и длинный, что-то громко орали, Оля расслышала, как вертлявый прохрипел Саше:

– Вали отсюда! Ну? Что встала?

Он с силой пихнул ее в спину. Саша отлетела в сторону, ударилась о дверной косяк. Она была совсем близко, и Оля уже протянула к ней руки. Но Саша, натужно кашляя, выпрямилась и бросилась обратно в комнату. Метнулась к окну, заорала, задыхаясь:

– Помогите! Помогите!

И тогда вертлявый снова схватил ее, ударил рукоятью пистолета в висок и сомкнул ладони на ее шее. Оля видела, как мотнулись по полу ее волосы, как начало наливаться багровым лицо. Возле двери громыхнул выстрел. Коротко, хрипло вскрикнул Сергей. Тело его дернулось, но не обмякло. Он из последних сил, не поднимаясь с пола, рывком добрался до вертлявого, попытался оттолкнуть его, выволить Сашу. Лицо у него было голубоватое, покрытое каплями пота, по дощатому полу за ним тянулся багряный след.

– Куда собрался, Фараон? – фыркнул усатый, отволол Сергея в сторону и приставил дуло к его виску.

Дальше Оля ничего не видела. Откуда ни возьмись, появилась мама Люда. Ползком, на четвереньках добралась до нее, зажала пахнувшей кухней рукой рот и втокнула Олю в чулан – крохотную комнатку у туалета, где у них хранились ведра и тряпки.

– Там бандиты! Надо милицию... – попыталась непослушными губами выговорить Оля.

– Заткнись! – рявкнула шепотом мама Люда.

И тут же в комнате прогрехотали выстрелы: один, второй, третий. В щель потянуло дымом. Что-то тяжело стукнуло, отрывисто каркнул длинный. Но Оля уже ничего не слышала. Ведра, щетки и швабры закружились перед глазами, заплясали в диком страшном танце. А потом наступила темнота.

* * *

– Ольга! Ольга, проснись!

Мягкий бархатный голос вклинился во тьму, развеял ее, будто луч солнца. И она, шипя, неохотно начала расползаться, растворяться, еще не сдаваясь окончательно, но уже уступая место свету. Ольга открыла глаза, увидела над собой удивительно красивое лицо – острые скулы, впалые щеки, тронутые золотистой щетиной, крупные яркие губы – остро вырезанная верхняя припухлая, будто обиженно выпяченная нижняя. И глаза – миндалевидные, смешливые, отливающие всеми цветами морской бездны, окруженные мелкими лучиками-морщинами, сразу выдававшими человека, привыкшего много смеяться и весело щуриться, улыбаясь. Ник...

– Ты в порядке? – встревоженно спросил он и коснулся пальцами ее лба.

Огрубевшие подушечки скользнули по коже, разбудили мурашки, побежавшие вниз по виску к шее.

– Я? – все еще не проснувшись, спросила она. – Со мной все хорошо, да...

– Ты кричала, – не отставал Ник. – Что-то страшное приснилось?

За окном бунгало уже посветлело. Розовый рассвет пробирался в комнату, мягким теплым отсветом ложился на простую мебель – плетеное кресло у окна, на подлокотнике которого покачивался сброшенный вечером оранжевый сарафан Ольги, на забытые вечером на столике стаканы с винными потеками, на прислоненные в углу у двери серфы. Слышно было,

как шумит море, наползая на берег и пеной оседая на камнях. Как перекрикиваются самые ранние серферы из их берегового лагеря, поднявшиеся ни свет ни заря, чтобы не упустить утренний ветер.

– Ерунда, не бери в голову, – прошептала Ольга. – Приснилось, что отпуск закончился и мне пора выходить на работу.

Улыбнулась блаженно, чувствуя, как приятно ноют мышцы в уставшем после вчерашнего катания теле, как холодит разгоряченную кожу свежее постельное белье, и, обвив руками шею Ника, потянула его к себе. Он с готовностью поддался, царапнул щетиной щеку, припал горячими губами к шее. Прошептал:

– А ты по утрам еще прекраснее.

– А ты – еще нахальнее, – поддела она, почувствовав, как его настойчивые руки стягивают с нее легкий плед, которым она укрывалась.

– А ты думала, ученый-археолог – это обязательно такой робкий замшелый увалень, который даже не знает, как к девушке подойти? Ошибаешься, дорогая. Ты пока даже не знаешь, на что я способен.

– Боюсь представить, – хмыкнула Ольга и закрыла глаза, отдаваясь этим жадным, но бережным рукам.

Солнце уже забыло о нежной утренней дреме, выкатилось на середину неба и запыхало во всю силу. Море, будто соревнуясь с ним в мощи и силе, разыгралось, с глухим рокотом набрасывалось на берег и, обжегшись о камни, отползло обиженно шипя. Вдалеке, на линии горизонта, пестрели рвавшиеся в небо разноцветные кайты. И, прищурившись, можно было различить под ними крохотные фигурки в гидрокостюмах – скользящие по серебрящейся морской поверхности. А еще дальше блестели под солнечными лучами силуэты белых быстроходных яхт.

В баре у самой кромки воды было шумно. На террасе у выкрашенной голубым двери пестрели прислоненные к белоснежной каменной стене серфы уже откатавшихся на сегодня отдыхающих. Под речным синим навесом на низких диванах расслаблялись, смеялись, пили коктейли и флиртовали туристы, стекавшие сюда, на Миконос, со всех концов света. Остров, ставший настоящим символом молодости, беззаботности и красоты, привлекал всех, кто мог позволить себе роскошь отдыхать здесь. Извилистые улочки, змеившиеся между белоснежных каменных домов, изысканные церкви, живописные таверны, бескрайняя синь моря, ласковое солнце, зелень олив и, конечно, атмосфера полного отсутствия проблем, торжества жизни и праздности.

– Догоняй! – крикнул Ник и, на вытянутых руках выставив перед собой доску, побежал к кромке моря.

Солнце обливало золотом его загорелую спину, и отчетливо видно было, как под кожей ходят сухие мускулы. Набежавшая волна обняла его сильные жилистые ноги, замочила цветастые шорты до колен, окатила хрустальными брызгами поджарую поясницу с двумя ямочками у самого пояса шорт. И вот уже он упал животом на доску и, свесив руки по бокам, погреб вперед, то скрываясь под искрящимся гребнем волны, то снова показываясь на поверхности.

Ольга догнала его на глубине. Прозрачная вода, пронизанная до самого дна острыми солнечными спицами, холодила тело, брызгала в лицо, щекоча ресницы. Серф, белый с широкой синей полосой, плавно скользил по поверхности, слушаясь безотказно. Ник коротко обернулся на нее, сверкнул мокрой соленой улыбкой, крикнул, перекрывая голосом рев волн:

– Идет! Видишь?

И Ольга, прищурившись от солнца, действительно увидела vzdымающийся вдалеке, почти на горизонте, бирюзовый ворчащий гребень с курчавым пенным чубом. Огромная стена

воды надвигалась, отливала то стальным, то синим, как небо. Все тело ее напряглось, готовясь к рывку. Ник уже больше не оглядывался, а крепче ухватился за доску, разворачивая ее острым носом к волне.

И вот накатило, зашумело. По вытянутому в струну телу пробежал холодок предвкушения, сердце в груди замерло на миг и тут же пустилось галопом. Теперь все зависело от одной секунды, которую ни в коем случае нельзя было пропустить. Ольга дождалась мгновения, когда волна почти накрыла ее и, выровняв доску, одним ловким движением вскочила на нее – сначала коленями, затем оперлась на левую ногу, а правую выставила чуть вперед. Поднялась, выгнув спину и чуть согнув колени, раскинув руки, поймала равновесие и понеслась вперед, балансируя на мчащей к берегу, уходящей из-под ног волне. Ветер ударил в лицо солеными брызгами, дыхание перехватило, и откуда-то из глубины поднялось пьянящее ощущение восторга, безбрежной свободы. Будто победив законы гравитации, она взлетела, как чайка, кружащая над морем, устремилась ввысь, забыв обо всем, отрешившись от земного. Поймала попутный ветер и вся отдалась полету.

Впереди и слева мелькнула фигура Ника – пригнувшись, раскинув руки в стороны, он царил в этой пенной вселенной, как молодой и сильный греческий бог Посейдон, повелитель морской стихии. Легкие кольца выгоревших каштановых волос развевались на ветру, напряженные ноги не отрывались от доски, несущейся вниз по почти отвесной стене воды, капли мгновенно высыхали на опаленной солнцем горячей спине. Кажется, он кричал ей что-то. Ольга ничего не слышала за ревом раздраженного, разыгравшегося моря. Видела только, как сверкают в широкой восторженно-счастливой улыбке его зубы.

– О, как познакомились мои родители – это целая история, – рассказывал Ник, расслабленно сидя на потертом старом диване в прибрежном баре и отхлебывая ром с колой из высокого стакана. – «Ромео и Джульетта». Только со счастливым финалом.

Солнце уже закатилось за горизонт, напоследок раскрасив бухту Орнос в жемчужно-розовые, сиреневые, багровые цвета. Здесь, в южной части залива, не было скалистых отрогов. Вода на мелком песчаном пляже была чистой, холодной и прозрачная, как стекло. Море лежало у берега притихшее, обманчиво кроткое, будто ластясь к уставшим за день, накаставшимся до звона в ушах серферам. Заманивало испытать свои силы еще и завтра, обещало, что будет паинькой, только для того, чтобы наутро снова встретить пришельцев ревом и буйством.

Разношерстная компания, объединенная лишь общим летним увлечением, собралась в баре. Хозяин щедрой рукой ставил на столы тарелки с сегодняшним уловом – с пахнущими йодом осьминогами, мидиями и креветками, с поджаристой до хруста мелкой рыбой. Тут же были и миски с салатом, благоухающие пряной зеленью и острым козым сыром. И фрукты, небрежно наваленные на блюда. И хлеб, и вино, и коктейли – все, чтобы приятно провести вечер в компании таких же, как ты сам, беспечных молодых прожигателей жизни, успешных отпрысков богатых родителей, приехавших сюда тратить семейные состояния. Лишь паратройка человек из присутствующих могли похвастаться тем, что сами заработали свои капиталы, остальные же с детства не знали нужды и наслаждались жизнью.

По берегам бухты уже загорались в домах, на виллах и в отелях золотистые огоньки. Возвращались к причалам отправлявшиеся на дневную морскую прогулку яхты. Вечер полон был ленивой неги, смеха, завиральных баек, какие рассказывают друг другу только люди, которые вскоре разъедутся и никогда больше не увидятся. И Ольга, сидя с бокалом в кресле у перевитой канатами и сетями для пушего приморского колорита ограды террасы, смотрела, как рисуется Ник в компании. Как мастерски рассказывает он, вызывая то взрывы смеха, то изумленный ропот. За те несколько дней, что они провели вместе, познакомившись вот здесь же, в лагере

серферов, таким же неспешным вечером, она уже поняла, как любит он быть в центре внимания. И невольно подсмеивалась над этим его забавным безобидным тщеславием.

– Моя мать была в юности редкостная красавица. Гречанка, профиль – как будто срисованный с античного барельефа. Волосы темные, тяжелые, с медным отливом. В детстве я любил наблюдать, как она заплетала их в косы и укладывала вокруг головы. А глаза... Глаза у нее были, как море перед грозой.

– Ты свои от нее унаследовал? – кокетливо спросила молоденькая серферша, кажется, из Британии и игриво потянулась рукой к лицу Ника.

Ольга коротко усмехнулась, наблюдая за этим безыскусным флиртом.

– О, поверь, – с комичным отчаянием покачал головой Ник. – Мои глаза и близко на ее не похожи. Знаете, гречанки обычно быстро стареют, грузнеют от обильной еды. Но моя мать и до сих пор поразительно хороша собой. А вот отец мой – албанец. Конечно, не такой ослепительный, как мать. В том, что касается внешности, это он мне подгадил, не то я бы уже сделал карьеру в модельном бизнесе.

Женская часть компании загудела, не соглашаясь. И Ольга снова спрятала улыбку в бокале. Забавный все же был парень. Нахально напрашивался на комплименты и млеял от них, как ребенок.

– В общем, однажды они встретились и полюбили друг друга с первого взгляда. Отец едва ли не через полчаса знакомства предложил ей стать его женой, а она согласилась. Да-да, представьте себе, такое бывает. Ну или бывало в прежние, не такие циничные времена.

Кто-то рассмеялся, кто-то запротестовал. Педро, испанец с рыжеватой бородкой, объявил, что он хоть сейчас готов отправиться с Кристин, шведкой, с которой познакомился здесь же неделю назад, в мэрию. А Ник продолжал:

– Но тут, разумеется, вмешались родители. И начались Монтекки и Капулетти. Мать происходила из аристократической греческой семьи. Во время войны они, правда, обеднели, но ни пафоса, ни спеси не утратили. А в семидесятых, когда в Грецию хлынули туристы, их дела и вовсе пошли на лад. Заправляла всем бабка – величественная породистая старуха в драгоценностях времен королевы Виктории. И она, конечно, встала намертво – не позволю нашей красавице опорочить семью и выйти за какого-то албанского прощельгу. Пойти против бабки никто не осмелился. Да, в общем, и не захотел – сама мысль о том, что греческая аристократка свяжется с каким-то чужаком-албанцем, пускай вроде бы порядочным, добрым и сметливым парнем, была за пределами. А мать, юная неопытная девушка, не побоялась. Ушла к моему отцу, больше того, уговорила его бежать на край света – по их понятиям, в северную Европу. Она хорошо знала, на что способна бабка в гневе, и не без причины опасалась, что та может и подослать кого-нибудь разделаться с неугодным мужем внучки. В общем, все препоны оказались тщетны. Любовь моих предков смела все преграды, они поженились и жили в изгнании до самой смерти грозной бабули, которая, представьте себе, протянула почти до ста лет – должно быть, на одной злобе и гордыне. И пока она не умерла, никто из семьи так и не смел поддерживать общение с матерью. Хотя вроде бы к тому моменту отец уже доказал, что он не какой-то прохвост, собственным трудом заработал капитал – все для того, чтобы любимая жена не нуждалась и не так сильно страдала от разлуки с близкими. Только когда бабка умерла, мои мать с отцом вернулись в Грецию и воссоединились с семьей. И все же, несмотря на то как непросто им пришлось, они ни разу не пожалели о том, что пошли наперекор родне. Клянусь вам, вот уже пятьдесят лет они продолжают каждый день ворковать как влюбленные, которые только что встретились.

– Наверное, в такой счастливой семье у тебя не меньше десятка братьев и сестер? – спросила Кристин, выныривая из-под обнимающей ее крупной руки Педро.

– О нет, – покачал головой Ник. – Как оказалось, тут их поджидало новое препятствие, которого они никак не ожидали. Дети у мамы и папы очень долго не получались. Мать моли-

лась день и ночь, прося у Бога ребенка, ездила по каким-то святыням, прикасалась к мощам. Но все было тщетно. Я родился, когда родители уже потеряли всякую надежду. Им обоим было под сорок – и вдруг чудо.

– Так ты, значит, поздний долгожданный ребенок, – подхватил ирландец Стив с облупившимся от солнца красным носом. – Представляю, как тебя баловали.

– О, друг мой, не представляешь, – засмеялся Ник. – Я ни в чем не знал отказа. Родители на меня надыхаться не могли. Отец к этому времени уже сколотил неплохое состояние, и у меня было все, что только можно себе представить.

– Неужели и пони? – поддела Кристин.

– Вот разве что пони у меня не было. И то, уверен, если бы мне очень захотелось, отец купил бы и его.

Ольга, потягивая вино, наблюдала за Ником. Они были знакомы всего-то несколько дней. Но даже не расскажи он сейчас истории своего появления на свет, она бы не сомневалась, что этот человек вырос в дружной любящей семье. Была в нем, несмотря на легкомыслие и мальчишество, какая-то железобетонная уверенность в себе, чувствовавшаяся даже на расстоянии. Такая гармония с миром и с самим собой, убежденность в собственных силах и в том, что в случае чего у тебя обязательно найдется поддержка, бывает лишь у тех, кто с детства купался в безусловной любви.

Уже совсем стемнело. Над морем показалась луна, расстелила по черной уснувшей глади золотую ковровую дорожку. Хозяин принес и расставил по столу свечи, укрепленные в горлышках пузатых пустых бутылок. И в этом теплом неверном освещении черты Ника казались еще прекраснее. Будто языческий бог, насмешник и шалопай, морочащий людей ради забавы и пускающийся в опасные приключения, он рассказывал еще что-то, плавно жестикулировал. А иногда оглядывался на нее, и в быстром взгляде казавшихся сейчас темными, как ночное море, глаз, в зрачках, где плясали, отражаясь, рыжие язычки пламени, Ольга видела нежность и неподдельный интерес. Все, что так приятно бывает женщинам прочесть в глазах увлеченного ими мужчины. Ей же становилось беспокойно от этого взгляда, и она отворачивалась, делая вид, что не замечает внимания Ника.

Разговор за столом продолжался. Теперь о себе рассказывали другие. Кристин объяснила, что в той, иной жизни, на материке, казавшейся сейчас такой далекой и чужой, владеет сетью магазинов спортивного инвентаря. Брутальный Педро, кто бы мог подумать, оказался банковским работником. Девушка в дредах и с замысловатыми татуировками на руках представилась известным дизайнером. Кто-то из присутствующих был знаком между собой, уже встречался во время отдыха здесь или в других излюбленных серферами местах. Другие встретились впервые. Но всех здесь связала любовь к экстремальным видам водного спорта и общая легкость в отношении к жизни.

– А ты? – обратился к Ольге ирландец. – Расскажи о себе, чем ты занимаешься? Там, в другой жизни.

– Ничего интересного, обыкновенный офисный планктон, – отмахнулась Ольга. – Не хочется сейчас вспоминать об этой самой другой жизни, ну ее. Давайте притворимся, что вся наша жизнь – вот такая, как здесь.

– Давайте! Давайте! – подхватили с разных концов стола.

– Это же тост! – прогремел развалившийся на кресле-мешке Педро.

Над столом со звоном встретились стаканы, и Ольга краем глаза заметила, что Ник снова бросил на нее любопытный недоверчивый взгляд. Ох, и въедливый же ей попался новый знакомец.

По мере того как пустели заказанные бутылки, разговор за столом становился все громче, веселее. Кто-то рассказывал серферские байки, кто-то из тех, кто уже бывал здесь, повествовал об интересных случаях, произошедших на острове Миконос.

– Вы знаете, что здесь каждое лето отдыхает Мадонна? – доказывала Кристин. – Конечно, инкогнито, на людях никогда не показывается. Но все местные об этом знают.

Кто-то недоверчиво загудел. А Ник отозвался:

– А что тут удивительного? На Миконосе испокон веков боги жили среди людей.

Все засмеялись. А затем немец с плечами такими широкими, будто кто-то засунул ему под майку швабру, указал пальцем на мерцающие на другом берегу бухты изумрудные огоньки.

– Вон, видите, светится зеленым? Это частный причал. Говорят, там вилла какого-то русского бандита. Или как это там у них называется? New russian? По слухам, он страшный человек, руки по локоть в крови. А вот, живет в раю, наслаждается жизнью.

– Что за времена настали? – возмутилась дизайнер с дредами. – Раньше слагали сказки про Синюю Бороду, а теперь про каких-то бандитов. Никакой романтики.

– Так это же смотря как рассказать, – возразил Ник. – Ты ведь не знаешь, вдруг по ночам его преследуют призраки всех, кого он убил. Пробираются к нему в спальню и воют страшными голосами: «За все надо платить».

– Да ну вас! – передернула плечами Кристин. – Жути нагнали.

Ольга же, обернувшись, посмотрела в ту сторону, где подмигивали в густой черной тьме изумрудные огоньки. Разобрать отсюда ничего было невозможно, только цепочка зеленых искорок мерцала, будто посылая сигналы собственному размытому отражению.

За столом откуда ни возьмись появилась гитара. И Педро, ударив по струнам, запел мелодичную народную испанскую песню. Дизайнер принялась отбивать ритм ладонями по столу. Кто-то подхватил мотив.

Ольга поднялась со своего места, потянулась и бросила:

– Пойду спать. Всем пока.

– Пока!

– До завтра! – донеслось со всех сторон.

Ник нагнал ее в темноте, уже на пути к бунгалу.

– Постойте-постойте, загадочная леди. Вы что это, решили от меня ускользнуть?

– Я просто хочу отдохнуть, – дернула плечом Ольга. – А ты вроде неплохо проводил время в компании.

– Погоди-ка, – лукаво нахмурился Ник. – Ты что, даешь мне отставку?

– Отставку можно дать жениху или бойфренду, – усмехнулась Ольга. – А мы же с тобой свободные люди. Разве я что-то обещала?

– Верно, ты не обещала, – в глазах Ника плясали бесенята. – Но посмотри-ка вон туда.

Он обхватил Ольгу за талию, пальцами приподнял ее подбородок и заставил посмотреть вверх, туда, где сонно дышало необъятное небо, усыпанное серебряными звездами.

– Видишь? – Ник указал пальцем куда-то в мерцающую бесконечность. – Это она обещала, вон та звездочка с розовым отливом, что ты не выставишь меня этой ночью. Потому что мы с тобой были предназначены друг другу судьбой.

– Ты же археолог, а не звездочет, – забавляясь, возразила Ольга. – И что-то мне подсказывает, что ты несешь сейчас откровенную чушь.

– Может, и так, – легко согласился Ник, прижал ее к себе крепче и жарко зашептал в ухо: – Это все потому, что я влюбился. И изо всех сил стараюсь тебе понравиться.

Губы его на вкус отдавали морской солью, будя воспоминания о палящем солнце, о ветре в лицо, о полете с пенного буруна, дарящем ощущение абсолютной свободы.

– Мы знакомы чуть меньше недели, – прошептала Ольга, неохотно уклоняясь от его настойчивых губ. – Ты меня не знаешь совсем, какая любовь.

– А мне кажется, что знаю все жизнь, – хрипло заверил Ник.

Его руки скользнули к ней под футболку, царапнули огрубевшими подушечками пальцев.

– Да? – хмыкнула Ольга, на секунду отстранилась, взгляделась в его глаза, в которых желание мешалось с озорством, и сдалась. – Ладно, черт с тобой. Пойдем.

Глава 2

То, что с этой женщиной, с Ольгой, не все так просто, Ник понял сразу. Он сам был любителем серфинга, кайтинга и других водных видов спорта, сам за тридцать два года жизни достаточно помотался по модным прибрежным местам тусовок приверженцев подобных развлечений. И считал, что научился неплохо разбираться в людях, которых привлекает подобная жизнь. Тут встречались разные типажи – отвязная молодежь, дерзкие детки богатых родителей, стареющие плейбои, никак не желающие сдаваться возрасту и изо всех сил старающиеся нагнать уходящую молодость, чуряющиеся скуки оседлого образа жизни искатели приключений, вроде него самого, девушки, считающие, что здесь, среди наследников больших состояний, в расслабленной отпускной атмосфере легче будет встретить и заарканить потенциального спутника жизни. Ольга же не вписывалась ни в одну знакомую и понятную схему.

Он обратил на нее внимание сразу же, как только она обосновалась на берегу, в одном из бунгало серферского лагеря. Высокая блондинка спортивного телосложения выделялась даже среди блистающей красотой и беззаботностью, купленной ценой очень хороших денег, золотой молодежи. Тело у нее было сильное, поджарое, с длинными сухощавыми руками и ногами, прямыми плечами, небольшой грудью. Но, как ни удивительно, она не любила выставлять его напоказ, купалась всегда в закрытом купальнике. И однажды, покрывая поцелуями ее пахнущую солнцем и морем кожу, Ник ощутил губами твердую неровную полосу старого шрама на плече.

Лет ей было, наверное, двадцать семь – двадцать восемь: молодая, легкая, энергичная, но при этом уже умная, опытная, знающая цену людям и очень хорошо представляющая, что нужно именно ей. Это чувствовалось и в манере держаться, и в выражении лица – черты его, правильные, четкие не сбивали с толку обманчивой мягкостью. И как бы ни был непроницаем взгляд ее серо-стальных глаз, сразу было понятно, что в нем нет и следа безмятежности, пресыщенности и вальяжной скуки. Нет, даже когда Ольга сидела спокойно, недвижимо, в расслабленной позе, сразу было понятно, что в ней кипит энергия. Завершали образ длинные, чуть ли не до поясницы, отливающие теплым золотом волосы, которые, катаясь, она скручивала на затылке тяжелым узлом.

Николаас почти мгновенно понял, что она не говорит правды о себе. Офисный планктон? Ну да, как же. У такой редкой красавицы, сразу бросающейся в глаза даже в компании очень привлекательных женщин, конечно, должен быть какой-то богатый покровитель. Не может быть иначе! Чтобы такая великолепная блондинка была одинока? Как бы не так!

Как археолог, привыкший анализировать найденные артефакты и по крупицам достраивать картину исторических событий, он сразу прикинул – все вещи Ольги были куплены здесь, на Миконосе, в туристических магазинчиках. Купальник, шорты, футболка... Судить о ее достатке по ним было нельзя. Украшений она не носила, жила в скромном бунгало на берегу, а не в одном из шикарных отелей. И все же, все же привычка к большим деньгам чувствовалась в ней сразу. Обратив внимание на бренд, пропечатанный на пляжных тапках Ольги, Николаас возликовал и похвалил себя за сообразительность. Расо Rabanne, ну конечно. Значит, деньги у нее есть.

Как же тогда объяснить, что, будучи подругой какого-нибудь нувориша, Ольга так свободно ведет себя, отдыхает в развеселой компании, позволила себе роман? Поссорилась с папиком? Сбежала?

Интересно, интересно...

Или, может, она действительно завзятая серферша и ставит любовнику условие: пара недель в году в одиночестве на побережье, иначе всему конец. А тут уж отрывается по полной. Каталась она, в самом деле, отлично, на доске держалась уверенно и явно получала от серфинга

удовольствие. То есть подловить ее на дилетантстве, указывающем на то, что на Миконос ее привела некая другая цель, а не активный отдых у воды, не удалось бы. Николасу вспоминался тот старый фильм про фэбээровца, внедрившегося в банду серферов и страстно увлекшегося их образом жизни, неограниченной свободой и вызовом буржуазному обществу. Отчего-то хотелось думать, что и за непроницаемым лицом Ольги кроется подобная тайна. Он, конечно, отдавал себе отчет в том, что это слишком уж смахивало бы на одну из тех баек, что так любят рассказывать и слушать утомленные дневным катанием серферы за стаканом вечернего коктейля. Но почему бы не помечтать? Так занятнее, чем признаться себе, что красotka из восточной Европы просто расслабляется здесь, пока не придет ее содержатель. А затем уж переберется к нему на виллу и заживет своей фешенебельной жизнью.

Наверное, именно этим она в первую очередь и привлекла его – атмосферой тайны, загадкой, кроющейся на глубине ее глаз. Хотелось раскусить ее, как сложный ребус, и ощутить спокойное удовлетворение от того, что к истории его жизни добавилось еще одно успешное приключение. А может, дело было в чем-то другом. Ник не привык предаваться рефлексиям и анализировать, что заставило его совершить тот или иной поступок. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить на это время, – казалось ему. Какая разница, по какой причине его потянуло связаться в ту или иную авантюру? Ведь вышло весело – а это самое главное.

Так было и в этот раз. Поначалу ему показалось, что его внимание вызвало у Ольги досаду. Но потом ему все же удалось расположить ее к себе. Ник склонен был считать, что тут заслуга его знаменитого обаяния, которому редко кто мог противостоять. Вскружить женщине голову, рассмешить, заболтать, сорвать поцелуй под звездами – и дело в шляпе. Однако, даже оказавшись в бунгало Ольги и проведя с нею ночь, он вынужден был с сожалением признаться, что к разгадке так и не приблизился.

Да, Ольга оказалась удивительная – нежная, страстная, то сильная и требовательная, то податливая и покорная. Он с ума сходил от этого ее изменчивого темперамента, который завораживал не хуже самой крутой волны, когда по гребню несешься на бешеной скорости, не зная, что ждет тебя впереди – рукоплескания друзей-серферов или черная бездна. Но он по-прежнему почти ничего о ней не знал.

– Откуда ты? – спросил как-то, когда они валялись в веревочном гамаке, подвешенном на террасе бунгало, прихлебывали виски прямо из горлышка, передавая друг другу квадратную бутылку, и смотрели на догорающий над морем закат. – Имя у тебя славянское. И акцент...

– Ммм... – Ольга потянулась, поудобнее устраиваясь у него под боком. – Восточно-европейский, да?

– На болгарку ты не похожа, – продолжал рассуждать Ник. – Сербка? Полячка? Из какой ты страны?

– Когда надумаю пригласить тебя в гости, обязательно пришлю адрес, – заверила Ольга и, чтобы смягчить грубость ответа, скользнула теплыми губами по его виску.

Ник, проведя рукой по ее шее, подцепил маленький золотой крестик – с закругленными резными перекрестьями.

– Ааа, я понял! Ты русская!

Ольга осторожно вынула крестик из его пальцев и уклончиво отозвалась:

– Может, и так.

Это раздражало. Но и раззадоривало. Ник был не из тех, кто считает легкий роман, завязавшийся в отпуске, основанием для каких бы то ни было притязаний, планов и перемен в жизни. Разумеется, то, что им с Ольгой было хорошо вместе, не означало, что они теперь непременно должны раскрыть друг другу душу, а после пожениться и нарожать детей. Он и сам привык жить, не зная, куда его занесет завтра, в какую экспедицию отправится – искать сокровища царя Соломона или изучать наскальную живопись первобытных людей. И к тому, чтобы остепениться, завести – жуть какая! – серьезные отношения и обрести привя-

занностями, не стремился. Но все же такая скрытность... Он просто обязан был докопаться до правды. Знал, что эта загадка не даст ему покоя.

Ольга не делилась с ним своими планами на день. Он никогда не знал, увидит ли ее на берегу или вечером, в одном из баров деревни Орнос. Иногда она пропадала куда-то, потом появлялась, как ни в чем не бывало, хватала серф и устремлялась в волну. Ник понял уже, что задавать вопросы тут бессмысленно, она все равно не ответит. И все же не оставлял надежды разузнать о ней все.

Вчерашнюю ночь они провели не вместе, утром на пляже Ольга тоже не появилась. И Ник отправился на поиски, послонялся возле ее бунгало и не прогадал. Вскоре Ольга вышла из домика, одетая в джинсы, темную футболку и с черным рюкзаком за спиной. Ник видел, как она направилась к припаркованному возле бунгало взятому в прокат квадроциклу. И не выдержал, подошел.

– Куда-то собираешься?

«Черт, брюзжу, как ревнивая жена», – выругал он сам себя. Ольга, как ни странно, не возмутилась. Бросила рюкзак на заднее сиденье, оседлала массивный квадроцикл, взяла в руки шлем и, взглянув на Ника как-то странно, отозвалась:

– Поеду покатаюсь. Надоело серфить, поищу какие-нибудь достопримечательности.

– А можно с тобой? – Он преградил ей дорогу, положил руку на руль скутера. – Не забудь, я ведь археолог. Проведу тебе экскурсию, расскажу такие исторические факты, которых ни в одном путеводителе не найдешь.

Показалось или в глазах ее промелькнула грусть? Даже не грусть, легкое сожаление. Как будто бы она в самом деле хотела бы отправиться с ним на прогулку по Миконосу, промчаться по извилистым улочкам, среди белоснежных домов, визжа и хохоча на поворотах. Но что-то мешает ей, и она не то чтобы расстраивается по этому поводу, но с легкой грустью думает о том, как все могло бы быть, не стой на пути препятствие.

Но Ольга уже отвела глаза, рассеянно посмотрела куда-то в сторону, завела мотор. Коротко качнула головой и, мягко, но властно убрав его руку с руля, сказала:

– До свидания, Николас.

Он не успел и глазом моргнуть, как она уже надела шлем, квадроцикл затарахтел, сорвался с места, подняв облачко пыли, и исчез за поворотом, вместе с оседлавшей его странной фигуркой в джинсах и темной футболке.

Ник глядел ей вслед и чувствовал, как вместе с клубящейся в воздухе поднятой ею пылью, вот так же клубится, поднимаясь откуда-то изнутри, досада. Нет, он был не из тех людей, кто, не доверяя женщине, принимается обыскивать ее вещи или копаться в телефоне. Наоборот, всегда считал подобную слежку оскорбительным занятием для обоих. Но сейчас он не мог так просто сдаться.

Это что же значит? Она дала ему отставку? Ему, который мог заполучить здесь каждую. А выбрал ее. В чем дело? Богатый любовник вернулся? Шутки кончились, началась реальная жизнь?

Ник внезапно понял, что не может так просто это оставить. Чего было в его порыве больше, задетого самолюбия, любопытства исследователя, не раз заставлявшего его пускаться в опасные авантюры, или страсти, разбуженной загадочной славянкой, он сам не знал. Но, поддавшись импульсу, сорвался с места и выбежал вслед за уехавшим квадроциклом на идущую вдоль береговой линии автомобильную дорогу. Спугнул стайку туристов, весело гомонящую у входа на пляж, огляделся по сторонам и успел еще заметить вдалеке черный приземистый силуэт на больших колесах. Тот свернул направо, туда, где береговая линия делала крутой изгиб.

Ник заметил у обочины дороги такси, бросился к машине, растолкал дремавшего за рулем пожилого тучного грека и, плюхнувшись на заднее сиденье, махнул рукой, указывая направление:

– Туда!

Ольга наверняка придет в ярость, когда узнает, что он за ней следил. Ну и пусть. Зато он наконец поймет, что же скрывает эта женщина, лишившая его покоя. К тому же, признался себе Ник, впереди вырисовывалось захватывающее приключение, которое должно было внести разнообразие в уже наскучивший ему ритм отпускной жизни.

Он сам не знал, как найдет Ольгу. Припал к запыленному автомобильному окну, вглядываясь в улочки, мимо которых проезжало такси, надеясь разглядеть где-нибудь квадроцикл и фигурку на нем, в шлеме, из-под которого виднеется хвост золотистых волос.

– Что ищем, приятель? – посмеиваясь, спросил водитель.

– Приключения на свою задницу, – поддержал шутливый тон Ник.

В нем сейчас боролись сдержанный житель Лондона, где Ник провел последние десять лет, и словоохотливый грек, готовый каждому встречному поведать всю свою жизнь. В конце концов, врожденный темперамент победил, и Ник уже рассказывал водителю:

– Такая красивая... Волосы, как золото. И, представляешь, похоже, водила меня за нос. Ну, я уж выясню, к кому это она подалась.

Водитель, разумеется, проблемой Ника проникся и принял в ней живое участие.

– Конечно, друг, так оставлять нельзя. Надо вывести ее на чистую воду!

Как ни мал был шанс нагнать далеко опередившую его Ольгу, квадроцикл Ник все же увидел. Тот был брошен в придорожных кустах, у толстого ствола пальмы.

– Тормози! – закричал он. – Она где-то здесь.

Водитель, приняв от Ника деньги, посоветовал:

– В лавку зайди. Спроси Манолиса, может, он ее видел.

И Ник вышел из машины на окутанную сонной жарой улицу.

Осмотревшись по сторонам, он сообразил, что поиски занесли его на противоположную оконечность бухты. В этой части острова не было отелей, собирающих отдыхающую публику со всех концов света, увеселительных ночных заведений и пунктов проката серфов. Тут, в расположенных у воды белоснежных виллах, селилась публика состоятельная, фешенебельная, ценящая уединение и покой. Как раз где-то здесь, по слухам, любили отдыхать звезды музыкальной и киноиндустрии. Выходит, и Ольгин нувориш обретался где-то здесь?

Такси уехало, и Николас, осмотрев квадроцикл и убедившись, что хозяйки его поблизости нет, отправился на поиски. Заглянул в тихий бар, где угощалась коктейлями немолодая пара. Сунулся в сувенирную лавку, заранее зная, что Ольги там не найдет, но на всякий случай поболтав с продавцом:

– Я ишу подругу. Договорились встретиться здесь, а она куда-то пропала. Блондинка, очень красивая, приехала на квадроцикле. Не видел?

Побродил по улочкам, чутко прислушиваясь, не раздастся ли где знакомый голос Ольги, не мелькнет ли черная футболка. Все было тщетно. Послеполуденная истома затянула Миконос в свои сети, навевая сладкую дрему, нашептывая морским прибором ласковые обманные слова. Ольга как сквозь землю провалилась.

Безуспешно попытав счастья в очередной таверне, Ник вышел на улицу и в задумчивости запустил пальцы в выгоревшие под греческим солнцем волосы. Как ученый-исследователь, отступать он не привык. Должен был быть какой-то след, главное, набрести на него. Думай! Думай!

Впереди дорога делала резкий поворот и уходила на мыс, очень живописный, Ник когда-то бывал там в юности. Но лет десять назад эту землю выкупил какой-то толстосум, по слухам, из России, и отгрохал на берегу белокаменные хоромы. Теперь, конечно, к прибрежным кра-

сотам через частное владение было уже не пробраться. Черт бы побрал это проклятое правительство, которое ради наживы продает землю всяким богатым уродам!

Ник, прищурившись, посмотрел на видневшийся впереди кусок забора. Почему-то вспомнилось, как пару дней назад в баре кто-то рассказывал сплетни – мол, там живет бандит, на совести у которого много человеческих жизней. Они еще шутили тогда, что по ночам виллу осаждают загубленные хозяином невинные души. Может, он и есть тот самый тайный Ольгин любовник? А что? Все сходится. Он из России, она тоже откуда-то из Восточной Европы. Почему нет?

Он попытался вспомнить, как она в тот вечер отреагировала на рассказ. Заинтересовалась ли, приняла участие в обсуждении? Но в памяти остался только ее тонкий профиль, повернутый в сторону мерцающих в темноте изумрудных огоньков. В любом случае все окрестности он уже обошел. Почему бы не испытать судьбу на вилле? В крайнем случае познакомится со знаменитым головорезом, местной легендой. Будет о чем рассказать вечером приятелям. В самом деле, что ему сделает этот бандит?

Ник сунул руки в карманы шорт и решительно направился к виднеющемуся впереди белому каменному забору. Он не собирался незаконно проникать на частную территорию. Думал, найти ворота, позвонить, постучать, а там уже действовать по ситуации. Придумать какую-нибудь историю, сказать, что заблудился. Что отстал от компании друзей и теперь не знает, куда идти. Или, в конце концов, прямо спросить, не здесь ли Ольга. А что такого?

В общем, он надеялся, что находчивость его не подведет, и он по ходу сообразит, каким сценарием выгоднее будет воспользоваться. Но на воротах, как ни странно, никого не оказалось. Ник знал, конечно, что здесь, на Миконесе, уровень преступности был настолько низок, что мало кто всерьез переживал за охрану своих владений. Но чтобы дом стоял совсем нараспашку...

Ник поглядел сквозь витую решетку ворот. Похоже, еще недавно поблизости кто-то был. Справа виднелось плетеное кресло, рядом с ним маленький столик, а на столике стояла недопитая кофейная чашка. Но теперь привратник куда-то испарился. А створка ворот была открыта.

– Эй! – негромко позвал Ник. – Эй, здесь есть кто-нибудь?

Ответа не дождался и, пожав плечами, шагнул в окружающий виллу густой зеленый сад.

Кругом было тихо. Так тихо, что Николасу даже стало не по себе. Видневшийся над густой листвой низкорослых деревьев и кустарников белый дом легкими линиями напоминал силуэт корабля, и Нику в голову пришли легенды о Летучем Голландце – судне, населенном призраками, которое мчится по океанским волнам, будто живое. Вот и в этом месте, несмотря на красоту и покой, веяло какой-то потусторонней жутью.

Среди разросшихся олив, смоковниц и лимонных деревьев вились аккуратные мощные дорожки, обрамленные тростником. В жарком и ветреном климате деревья высокими не вырастали, даже редкие пальмы в этом саду казались приземистыми. В зелени трещали цикады. А далеко внизу, хорошо видимое с высокого мыса, мерно шумело море.

– Эй! – снова негромко окликнул Николас.

Сам не зная почему, он не решался повышать голос, разгонять нависшую над садом сонную одурь. Никто не отозвался.

Ник миновал сад и вышел к дому. Здание было выстроено в местном стиле – белоснежное, поражающее одновременно простотой и изяществом силуэта. Никаких украшений, никаких излишеств – простые лаконичные линии, квадратные окна, голубые деревянные ставни и навесы из реек. Внизу и слева видно море, причал – видно, тот самый, на котором горели по ночам изумрудные огоньки, и покачивающийся на волнах у каменных опор катер.

Перед домом располагался прямоугольный бассейн, выложенный мелкой голубой, синей и белой плиткой. Вокруг него расставлено было несколько шезлонгов и плетеных кресел.

А у противоположного края устроен навес на каменных квадратных колоннах. Там виднелась небольшая барная стойка, несколько стеклянных столиков, табуретов и стульев. В общем, видно было, что хозяин не поскупился устроить все в доме так, чтобы он сам и его гости получали от отдыха здесь максимальное удовольствие.

Как и в будке охраны, здесь чувствовалось недавнее присутствие людей. На шезлонге лежал забытый журнал, изредка налетающий ветерок неспешно перебирал его страницы. На барной стойке виднелась пепельница с окурком сигары. Но сейчас возле дома никого не было.

Ник поднялся по пологим каменным ступеням к двери и замер на мгновение. Наверное, вламываться в чужой дом без приглашения, к тому же в дом, возможно, опасного человека, не стоило. Довольно было и того, что он вторгся на частную территорию. Но чертово любопытство, а также железобетонная уверенность, что с ним, баловнем судьбы, любимцем родителей и друзей, никогда не случится ничего плохого, затмили здравые мысли. И Ник, потянув на себя дверь, вошел в просторный холл.

Дом изнутри оказался таким же светлым, как и снаружи. Белые стены, белые кожаные диваны, светлое дерево, абстрактные безделушки, явно работы известнейших дизайнеров, приземистые кадки с вечнозелеными растениями. Ник огляделся по сторонам, зацепился взглядом за единственное яркое пятно в интерьере. Поначалу решил, что это затейливая деталь оформления – на боковой стене атели мелкие и крупные брызги, будто модный художник оставил тут некую абстрактную фреску. Он шагнул ближе, перевел взгляд вниз и замер. Из-под низкого журнального столика причудливой формы торчали ноги. Крепкие мужские ноги, густо заросшие темным волосом. Одна была обута в мягкий кожаный мокасин, вторая – босая, с судорожно сведенными пальцами.

Чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота, Николас двинулся вперед, обогнул столик и только теперь увидел всю картину. На полу навзничь лежал мужчина, немолодой, грузный, одетый в льняные шорты до колен и распахнутую на груди голубую гавайку. На заросшей седым волосом груди виднелись контуры старых татуировок, массивный золотой крест скатился на бок, толстая цепочка затерялась в складках шеи. По форме этот крест напоминал тот, что носила Ольга, только был гораздо более крупным, броским. Черты лица мужчины – грубые, топорные – еще можно было разобрать, а вот верхняя часть его головы представляла собой кровавое месиво. Несчастному выстрелили в голову, отсюда и алая «абстрактная живопись» на белоснежной стене.

Первым побуждением Ника было развернуться и броситься прочь из этого проклятого дома. Он попал сюда случайно, он знать не знает, что за драма тут разыгралась. И разбираться во всем этом не желает. Скорее на воздух, нырнуть в море, стереть из памяти развороченный череп, кусочки мозга, разметанные по каменному полу. Его вообще не должно было здесь быть, он не хочет ни во что впутываться.

Ник попятился, наткнулся бедром на спинку кресла, отскочил в сторону, бросился к выходу. И уже у самой двери резко затормозил. А Ольга? Он ведь явился сюда, предполагая, что она может быть здесь. Что здесь живет ее богатый любовник. А вдруг он неверно ее понял? Вдруг она явилась сказать своему сожителю, что все кончено, что она повстречала другого человека. А в момент разговора в дом ворвались головорезы, у которых какие-то счеты с этим российским бандитом. Может быть, Ольге прямо сейчас угрожает опасность. И спасения ждать неоткуда, вот разве что не в меру любопытный знакомый уймет свою трусость и придет на помощь?

Ник лихорадочно огляделся по сторонам, схватил с полки массивную статуэтку из стекла и металла, не то вазу, не то женскую фигурку, некую абстрактную мешанину из острых граней и углов. Боец из него никакой, он и не дрался-то никогда. Придется надеяться на элемент

неожиданности. Преступники наверняка и не подозревают, что в доме есть кто-то, кто собрался им помешать.

В голове стучало: «Беги отсюда! Она тебе никто, ты знаешь-то ее всего несколько дней. Спасайся!» – но Ник в очередной раз заткнул навязчивый голос рассудка и ринулся обыскивать дом.

Кабинет, кухня, комната для гостей. Везде было так же пустынно. Покачивающиеся от сквозняка легкие занавески, стрекот цикад из сада. Лишь оказавшись в задней части дома, Ник вдруг услышал какой-то приглушенный звук. Не то плеск, не то всхлип. Сжав обеими руками статуэтку, он рванул туда, увидел перед собой приоткрытую белую дверь. Ванная, что ли? Да, ванная... Толкнул ее плечом и ворвался внутрь.

Помещение оказалось большое, круглое, вся передняя стена – стеклянная от пола до потолка. За стеной открывался вид, от которого перехватывало дыхание. Увитый зеленью, круто уходящий вниз склон, море внизу, облизывающее прибрежные камни. Катер у причала, яркие кляксы кайтов в небе и белые силуэты яхт на горизонте.

Но любоваться видом времени не было, потому что в центре комнаты помещалась утопленная в выложенный плиткой пол круглая ванна. В ванне этой билось в агонии розовое мокрое тело. А возле ванны, опершись на одно колено, стояла Ольга, второй ногой удерживая под водой голову тонущего человека.

Тишина тут же кончилась, взорвалась звоном в ушах. Ник, ничего не соображая, чувствуя полнейшую прострацию, будто, ворвавшись сюда, вывалился прямиком в другое измерение, отшатнулся куда-то в сторону, влетел в стеклянную тумбу, уставленную косметическими бутылочками и пузырьками, выронил из рук статуэтку, и та с грохотом покатила по полу. Ольга обернулась на звук, и Ник поразился тому, как изменилось ее лицо. Утратило всю женственность, нежность, загадочность. Хищный оскал зверя, вот что он увидел сейчас. Глаза, будто бы обмелевшие, сохранившие единственную мысль, единственное стремление – растерзать добычу. Заострившиеся черты, прерывистое дыхание, срывающееся с приоткрытых губ. Румянец на щеках, вызванный – он с ужасом осознал это – удачно прошедшей охотой.

Ольга отвлеклась от своего страшного занятия лишь на секунду, но этого было достаточно, чтобы ее жертва с диким вскриком вынырнула на поверхность. Ник видел теперь, что это совсем молодой парень, почти мальчишка, лет, может, восемнадцати-девятнадцати. Круглолицый, коренастый и полноватый, с побагровевшим лицом и вываленными из орбит глазами. Он забился пойманной рыбой, заплескался, вздымая тучи брызг. И Ольга, снова отвернувшись от Ника, с силой надавила ногой в вымокшей джинсовой штанине ему на макушку, облепленную мокрыми волосами. Нажала еще и рукой, и голова снова ушла под воду.

Остолбенев от ужаса, Ник расширенными глазами наблюдал за происходящим. Не мог ни пошевелиться, ни звука издать. Парень потрепыхался еще несколько секунд, затем обмяк, в последний раз дернулась пухлая розовая нога, разжались пальцы, судорожно цеплявшиеся за бортик. И расслабленное тело закачалось на поверхности воды.

Ольга смотрела на него еще пару секунд, наверное, желая убедиться, что жертва действительно повержена. Затем медленно поднялась, развернулась к Нику, и он понял, что вот теперь-то и начинается самое страшное. В руке ее оказался массивный пистолет с глушителем. Может, он был там и раньше, а может, лежал на полу возле ванны, и теперь Ольга его подняла. Ник в накотившем на него отупении не помнил детали.

Ольга шагнула к нему, подняла пистолет и произнесла вдруг:

– Зачем же ты пришел...

Ник понял, что сейчас последует выстрел. Не до конца вырубившихся инстинктов еще хватило на то, чтобы зажмуриться, но перед этим он успел увидеть в глазах Ольги то же странное выражение, что было в них, когда она уезжала от него каких-то пару часов назад. Легкое сожаление. Досаду из-за возникшего на пути препятствия, которое придется перешагнуть.

Прошла секунда. А может, две или пять. Время то чудовищно растягивалось, то пускалось вскачь, и Ник не мог теперь трезво оценить его интервалы. Выстрела не было. Вокруг по-прежнему стояла тишина. На мгновение у Ника в голове забрезжила дурацкая надежда, что он просто уснул на пляже, солнце напекло ему голову. И все случившееся – не больше, чем посетивший его от перегрева кошмар. Что сейчас он откроет глаза и увидит перед собой бирюзовый край моря, бегущих в воду серферов с досками наперевес, Ольгу, дремлющую рядом на цветной подстилке.

Но нет, он все так же находился в круглой светлой ванной комнате с видом на море. Стоял, вжавшись спиной в стену. А ровно напротив него стояла Ольга, только теперь рука ее, сжимавшая пистолет, была опущена. И Ольга разглядывала ее с недоумением, будто нечто чужеродное, вдруг пустившееся самовольничать.

Ник не знал, почему она не выстрелила. Не знал, не последует ли выстрел через минуту. Он понял только, что ноги отказываются его держать, и медленно сполз по стене на пол. Накатила какая-то апатия. Может, последствия пережитого шока. Он ткнулся подбородком в колени и почти равнодушно продолжал наблюдать за Ольгой.

Та еще несколько секунд смотрела на стиснутый в руке пистолет. Потом перевела взгляд на Ника. На лице ее читалась лихорадочная работа мысли. Наверное, стоило бы напрячься, ведь в эти секунды Ольга явно решала его судьбу. Но Ник осознал, что силы бояться за жизнь, сопротивляться, искать выход из ситуации у него кончились. Он просто смотрел на нее из-под упавших на глаза выгоревших волос. И под его взглядом Ольга вдруг скривилась, как от боли, издала глухой сдавленный стон – кажется, злясь на себя за то, что не может перебороть эту накотившую на нее неспособность действовать. Затем стиснула зубы – и лицо ее мгновенно разгладилось, снова стало спокойным, собранным, лицом человека, твердо знающего, что он будет делать дальше.

– Поднимайся! – скомандовала она Нику.

– Что? – попытался выговорить тот.

Голос не слушался, сорвался на жалкий сип.

– Уходим, времени нет. Полис будет с минуты на минуту.

Ольга шагнула к нему, схватила за грудки и рванула вверх, а затем прикладом подтолкнула в затылок.

– Быстро!

Ник, ничего не понимая, с трудом передвигаясь на ватных ногах, двинулся вперед. Подталкивая его в спину, она вывела Ника из ванной, но после направилась не в сторону парадного входа, а дальше по коридору, к маленькой белой двери, ведущей, как сообразил Ник, на задний двор.

– Куда?.. Как?.. – выдохнул он на бегу.

– Там катер, – Ольга махнула рукой в сторону видневшегося внизу причала.

Ник замешкался на секунду. Все менялось чересчур быстро. Он еще не успел осознать, что чудом избежал гибели. А жизнь уже сделала новый виток. Он пока не вполне понимал, какой, но догадывался, что, если сейчас последует за Ольгой, дороги назад не будет.

– Ну же! – отрывисто выкрикнула та. Лицо ее покраснелось, волосы развевались на ветру, глаза сияли.

– Я не пойду... – промямлил он.

– Останешься здесь? Мама-гречанка будет счастлива узнать, что тебя осудили за двойное убийство, – усмехнулась Ольга.

Мама...

Ник на секунду зажмурился, а затем открыл глаза и вслед за Ольгой побежал к змеящейся по склону холма, ведущей к причалу внизу белой крутой лестнице.

Глава 3

– Где колбаса, я тебя спрашиваю? Опять вчера своих паразитов навела и сожрали все?

Лицо у мамы Люды было перекошенное от ярости, очки прыгали на тонком вздернутом носу, короткие завитые перманентом волосы стояли дыбом. Оля не отвечала, слушала молча и смотрела исподлобья. Колбасу они с друзьями действительно вчера съели. Ну а что, надо было голодными сидеть? Оля знала по опыту, что если сама не найдет, что поест, мать о том, чтобы ее покормить, и не вспомнит. Бывали уже случаи, когда она падала в голодный обморок в школе, потому что с утра в холодильнике не находилось ничего.

Что же касалось еды отчима Пети, то ее Оле брать вообще строго воспрещалось. Поначалу отчим еще пытался играть роль папы, но как-то вяло, скучно, а в последние годы, видимо, решил, что это ему и вовсе не интересно. В холодильнике он завел отдельную полку, провел красным маркером черту по краю и чутко следил, чтобы Оля не съела ничего из его припасов. В противном же случае хватался за ремень. Чему мама Люда и не думала препятствовать, напротив, призывала выбить из зарвавшейся засранки всю дурь. Сама же на время наказаний удалялась в комнату и включала погромче бразильский сериал.

– Я, по-твоему, деньги печатаю? А? Что ты глаза свои волчьи на меня таращишь? Отвечай!

Но Оля отлично знала, что отвечать что бы то ни было бесполезно. Мать доводы слушать не станет, только еще больше заведется. Единственным способом побыстрее закончить скандал было молчать и ждать, пока она проорется.

– Чтоб я эту шпану больше у себя в квартире не видела. Ясно?

– Ясно, – сквозь зубы процедила она.

И хотела уже пойти в свою комнату, но тут мама Люда вдруг добавила:

– А шарф мой кто опять брал, а? Я сколько раз повторяла, чтобы не смела к моим вещам прикасаться.

– Да не брала я твой шарф! – не выдержала Оля.

Ладно, пускай колбасу они съели. Но вещи матери она и правда не трогала – себе дорожке, после такого проступка вообще домой лучше не приходиться. И терпеть, что на нее наводят напраслину, не хотела.

– Нужна мне эта дрянь розовая.

Тут мама Люда зашлась от возмущения. Выкатила глаза, налилась красным и стала хватать ртом воздух. Оля успела испугаться, не хватит ли ее удар от такой дерзости. Но нет, мать перевела дух, картинно ухватилась за дверной косяк и заголосила умирающим голосом:

– Петя! Петя! Ты слышишь, как эта мерзавка со мной разговаривает?

Телевизор, оравший из большой комнаты: «Удар по воротам! Штанга!», замолк, и в кухню, шаркая тапками, вошел отчим. Невысокий – чуть выше мамы Люды, с намечающимся брюшком, нависшим над синими трениками с оттянутыми коленками, он подступил к Оле, сжав кулаки.

– Ты опять за свое? Хамка! Мало я тебя учил?

– Петя, я ее боюсь, – причитала тем временем мама Люда. – Она неуправляемая, она на меня нападет. Защити меня, Петя!

Отчим, сам по натуре человек не злой, скорее туповато-бездушный, находился у мамы Люды под каблуком. И, накрученный ею, должно быть, и в самом деле начинал видеть в падчерице угрозу. Он и вообще-то был трусоват, Оля помнила, как он драпал от приставшего к нему в темном парке перед домом воинственного сопляка. Зато тут, дома, в безопасности, любил построить из себя настоящего мужчину с твердой рукой.

– Ты до чего мать довела, зараза! – проорал он Оле в лицо.

– Отвали от меня, – буркнула она и попыталась проскользнуть мимо отчима в свою комнату.

Отчим, кажется, не успел еще понять, что за последний год падчерица вытянулась и вскоре должна была обогнать его в росте. По-прежнему видел в ней беспомощную девчонку. Да и сама Оля пока не осознавала, что плюгавый мужичонка не заключал в себе серьезной угрозы, слишком хорошо помнила его ремень.

– Ты на меня пачечку-то не разевай, – завопил отчим и ухватил Олю за ухо.

Та вскрикнула от боли, попыталась оттолкнуть озверевшего папашу локтем, вывернуться. Мама Люда, сложив руки на тощей груди, с удовлетворением наблюдала за происходящим, поддакивая:

– Совсем от рук отбилась. Житья не стало от этой нахалки.

Отчим за ухо подволок Олю к двери в ее комнату и втолкнул туда так, что она отлетела и ударилась об угол шкафа. Зато хоть ухо выпустил, которое тут же налилось кровью, сделалось горячим и засадило.

– Никаких гулянок, ясно тебе? Будешь в комнате сидеть, ты наказана! – проорал ей вслед отчим и захлопнул дверь.

Растирая ухо, Оля слышала, как он гаркнул на лебезившую перед ним мать:

– Да заткнись ты уже! Могу я в своем доме футбол посмотреть?

В комнате снова заорал телевизор, а мать, причитая себе под нос, вернулась на кухню.

Оставшись одна, Оля взяла с дивана валявшуюся там куртку, накинула ее на плечи и вышла на балкон. Небо было хмурым. Нависшие низко тучи цеплялись серыми лохмами за золотые ветки росших внизу, у дома, берез. Накрапывал мелкий дождь.

В эту панельку на окраине Москвы они с матерью и отчимом перебрались четыре года назад, вскоре после происшествия в Крыму, которое до сих пор иногда снилось Оле в кошмарах. Она по-прежнему так и не понимала до конца, что тогда случилось, кто были эти люди, ворвавшиеся к ним в дом, за что они убили Сашу и Сергея. Приехавший на следующий день отчим только и твердил милиции, что его в этот момент вообще в поселке не было, он уезжал в Москву по делам и ни о чем знать не знает. А мать, всхлипывая, повторяла, что с сестрой не виделась много лет, что та в молодости связалась на свою голову с этим Сергеем, темной личностью с криминальным прошлым, и вот, наверное, из-за него и пострадала. Вскоре милиция оставила их в покое. Дело то ли закрыли, то ли, сочтя типичным висяком, убрали куда-то на дальнюю полку. Оля по малолетству подробностей не знала. Только следовательно к ним больше не приходил. А вскоре мать объявила Ольге, что они переезжают в Москву, «подальше от этого ужаса».

Тем, что Оля с криком просыпалась по ночам, шарахалась от каждого резкого звука и боялась оставаться одна, заниматься никому было некогда. Мать только подзатыльник могла отвесить за то, что «распустившаяся девка» опять полночи не давала спать. А теперь мать с отчимом и вовсе погрузились в переезд, заказывали грузовые контейнеры, паковали вещи.

– А у нас что, есть квартира в Москве? – спросила как-то Оля.

– Есть, – бросила мать, сгружавшая кастрюли в картонную коробку.

– А откуда?

– Тебе что, заняться нечем? – прикрикнула мать. – Иди лучше учебники свои собери. Вопросы она задает, ишь!

По каким-то обмолвкам родителей Оля поняла, что когда-то раньше, давно, они жили в Москве. А в Крым перебрались позже. И, кажется, это тоже было как-то связано с погибшей Сашей.

– Никогда никого не слушала, жила, как хотела, – брюзжала мать. – А родня потом разгребай за ней, что наворотила. Явилась, помню: «Людочка, спасай!» Будто у меня своей жизни нет. Навесила ярмо, из родного города сдернула... Ну и получила, на что нарывалась, шалава.

– Людок, да хватит тебе, не надо так об умерших, – бурчал иногда отчим.

– А что, боишься, явится она к тебе с того света? – с ненавистью выплевывала мать.

И Оля понять не могла, за что же та испытывает к сестре, уже погибшей, такие чувства. Что ей могла сделать эта красивая мягкая женщина, что могло вызвать такую ненависть?

– Да ладно, хорошая ведь девушка была, красивая, добрая, – мямлил отчим. – Жалко ее, жить и жить могла бы. Это козел этот ее с толку сбил.

– Постыдился бы, «красивая», – передразнивала мама Люда. – Будто я не видела, как ты на нее зенки пялил. Только не про твою честь была принцесска. На кой ты ей сдался, голодранец? Ей себя подороже продать хотелось.

Оле отчего-то от таких разговоров делалось горько. Она уходила в свою комнату и прижимала к лицу куклу, которую привезла ей Саша. Такую красивую, такую хрупкую, с тонким фарфоровым личиком и гладкими, как шелк, волосами. Оля глубоко вдыхала, и ей казалось, что от волос куклы, от ее старинного платья в кружевах все еще немного пахнет Сашиным запахом – нежным и горьковатым.

Куклу ей удалось отстоять, хотя мама Люда не раз упрекала:

– У тебя что, других лялек мало? Давай продадим, все равно с ней не поиграть, только любоваться. Ну чего ты уперлась? Мать с отцом последний хрен без соли доедают, а эта в куклу вцепилась. Не стыдно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.